

После нескольких дней, проведённых в шумных забавах с Аратаки Итто, Камисато Аято, глядя на гору накопившихся бумаг, скрепя сердце выпил несколько чашек чая с молоком, чтобы привести нервы в порядок. Попрощавшись с Итто, он вернулся в Комиссию Ясиро раньше намеченного срока.

В поместье по-прежнему царил безупречный порядок, но людей не было видно. В обычные дни, стоило Аято переступить порог, его тут же встречали сияющая улыбка Тома и его участливый голос. Сейчас же вокруг стояла тишина, и лишь эхо собственных шагов отдавалось в пустых коридорах.

В тот день он и вправду поступил опрометчиво. Тома был ещё не готов к таким откровениям, да и сам Аято всё ещё колебался, стоит ли удерживать его рядом, — в итоге он лишь спугнул дичь раньше времени.

Но если бы он продолжал настаивать на своём, это было бы несправедливо по отношению к Томе. В прошлой жизни он и так остался перед ним в неоплатном долгу, и в этот раз он не знал, сможет ли когда-нибудь вернуть его.

Когда Аято вошёл в кабинет и затворил за собой дверь, чьи-то руки внезапно крепко обняли его со спины. Этот неожиданный жест застал Аято врасплох, однако в кабинет главы клана никто не мог войти просто так.

— Тома, ты решил пойти против своего господина?

До встречи с главой клана у него было наготове тысячи слов, но стоило увидеть его, как всё разом свелось к одной фразе:

— Господин глава клана, с возвращением.

— Что такое? Больше не злишься? Не прячешься от меня? Всё обдумал?

Не видя выражения лица Тома, Аято почувствовал, что что-то не так. Крепкие объятия вызывали у него странное, почти нереальное ощущение.

— Да, я всё понял.

— Раз так, отпусти меня. В таком положении я не... М-м-м?... М-м...

Остаток фразы утонул в поцелуе. Вынужденный запрокинуть голову, Аято от долгого и тесного контакта почувствовал, как силы покидают его.

Тома, лишь спустя долгое время выпустив Аято из плена, снова притянул его к себе и крепко

обнял, уткнувшись лицом в плечо. Горячее дыхание заставило Аято вздрогнуть. Наконец вдохнув свежий воздух, он попытался унять бешеное сердцебиение и в недоумении спросил:

— Тома, что с тобой? Тебя опоили? Держись, я сейчас позову лекаря...

— Даже если бы это было так, вы всё равно прогнали бы меня? Неужели у вас хватит духу?

Глухой, охрипший голос, донесшийся от плеча, отозвался дрожью в сердце Аято. Он взял себя в руки, заставил опустить руки, которыми хотел обнять его в ответ, и лишь коснулся его головы, сохраняя пугающее спокойствие:

— Тома, тебе нехорошо. Послушный, отпусти меня, я сначала вызову лекаря, чтобы он осмотрел тебя...

— Я в полном сознании, господин глава клана. Я не ребёнок. Вы такой хитрый и жестокий. Почему не сказали мне раньше? Почему решили всё за меня? Почему не объяснили, что значил тот танец? Вы ведь могли его не танцевать, а раз станцевали — почему промолчали? Господин глава клана, вы слишком жестоки ко мне.

Последние слова и влажные пятна на плече заставили Аято замолчать. Наконец он обнял того, о ком тосковал всё это время:

— Ты всё узнал. Это Аяка тебе сказала?

Кроме Аяки, никто в мире не мог знать истинного смысла того танца.

Хватка Тома стала ещё сильнее:

— Если бы госпожа не начала волноваться за нас, вы собирались скрывать это всю жизнь? Или даже уйти навсегда, унеся эту тайну с собой? Вы и правда слишком жестоки.

Аято ответил честно:

— Прости... На самом деле я и сам не знал, как поступить. Клан Камисато и так перед тобой в долгу, я не хотел быть обузой. Тогда, в порыве чувств, я лишь хотел не оставлять после себя слишком много сожалений. К тому же... ты заслуживаешь лучшего.

У нас уже была одна концовка, незачем снова топтаться на месте в ожидании.

— Аято, это всё ваши мысли. Можно мне высказать свои? — Тома резко поднял голову и пристально посмотрел в эти глаза, в которых всегда отражался лишь он один. Он больше не

использовал официальный тон, каждое слово звучало искренне:

— Я уже говорил: кроме госпожи Камисато, я — самый важный человек в вашей жизни. Но и вы, Аято, стали для меня неотъемлемой частью моего существования. Я был так глуп, что только сейчас осознал: всё это время вы смотрели на меня, и, оказывается, я всё это время был глубоко любим вами.

Затем он мягко склонился и оставил невесомый поцелуй на его сияющих, словно звёзды, глазах, словно боясь разрушить это хрупкое счастье.

— Вы не хотите оставлять сожалений, но оставляете их мне. Я на это не согласен. Поэтому, хотите вы того или нет, я навсегда останусь рядом с вами.

Мягкие слова, полные непоколебимой решимости, проникли прямо в сердце. Аято сделал глубокий вдох, подавляя волнение, и его голос дрогнул:

— Тома, если ты передумаешь, будет ещё не поздно. Я ведь уже давал тебе шанс.

— Господин глава клана, я всегда буду рядом. Буду делить с вами печали и во всём поддерживать. Я готов отдать всю свою страсть и силы, чтобы заботиться о вас и защищать вас вечно. Господин глава клана, я глубоко люблю вас.

Последняя линия обороны рухнула. Глаза Аято покраснели, и Тома засуетился:

— Г-господин глава клана... не плачьте! Это всё моя вина!

— Глупый, я же дала тебе шанс... Это всё твоя вина!

Я дала тебе шанс, и теперь сама не хочу тебя отпускать, даже если потом пожалею.

— Да-да, господин глава клана, всё моя вина.

Я готов остаться с вами, только, прошу, не наказывайте меня разлукой. Без вас мой мир рухнет.

— Зови меня Аято. Поцелуй меня.

— Хорошо, господин... Аято. Я люблю вас до самого конца моих дней.

Слова стихли, и нежные поцелуи осыпали его лицо, достигнув желанных губ. Это был вкус нашей любви — сладкий, как сама жизнь.

Сухое дерево встретило весну, и из засохших ветвей пробились новые ростки, потянувшиеся к своему солнцу. С ароматом цветов они распустятся изящными орхидеями на бесплодной почве, подобно тому как в безмолвном Море пепла рано или поздно поднимутся волны, принося новую жизнь и новую историю.

Я готов стать твоим единственным солнцем, поэтому, прошу, продолжай опираться на меня и смотреть только на меня.

<http://bllate.org/book/21788/2253645>